Изданіе Группы „ХЛѢБЪ и ВОЛЯ“.

П. КРОПОТКИНЪ.

БУНТОВСКОЙ ДУХЪ

5K

1905.

106
39

БУНТОВСКОЙ ДУХЪ.

I

Въ жизни обществъ бываютъ эпохи, когда революція становится насущной необходимостью. Повсюду зарождаются новыя идеи; онѣ стремятся пробить себѣ дорогу, осуществиться на практикѣ; но постоянно онѣ сталкиваются съ сопротивленіемъ тѣхъ, кому выгодно сохраненіе существующаго порядка; онѣ задыхаются въ удушливой средѣ старыхъ предразсудковъ и традицій. Въ такія эпохи общепринятыя понятія о государственномъ строѣ, о законахъ общественнаго равновѣсія, о политическихъ и экономическихъ отношеніяхъ гражданъ между собою отбрасываются; суровая критика подрываетъ ихъ ежедневно, по всякому поводу, повсемѣстно — въ гостинной и въ кабакѣ, въ философскомъ сочиненіи и въ ежедневной бесѣдѣ. Существующія политическія, экономическія и общественныя учрежденія приходятъ въ разрушеніе; жить подъ ихъ гнетомъ становится невозможнымъ, такъ какъ они только мѣшаютъ развитію пробивающихся отовсюду молодыхъ побѣговъ.

Чувствуется потребность новой жизни. Ходячая нравственность, которою руководится въ ежедневной жизни большинство людей, уже перестаетъ удовлетворять ихъ. Люди начинаютъ замѣчать, что то, что раньше казалось имъ справедливымъ, на самомъ дѣлѣ — вопіющая несправедливость; то, что вчера признавалось нравствен-

нымъ, сегодня оказывается возмутительной безнравственностью. Столкновеніе между новыми вѣяніями и старыми преданіями обнаруживается во всѣхъ классахъ общества, во всякой средѣ, даже въ семейномъ кругу. Сынъ вступаетъ въ борьбу съ отцомъ: ему кажется возмутительнымъ то, что его отецъ всю жизнь находилъ вполнѣ естественнымъ; дочь возстаетъ противъ правилъ, которыя мать внушаетъ ей, какъ плодъ долголѣтняго опыта. Народной совѣсти приходится каждый день возмущаться, то скандальными происшествіями изъ жизни богатыхъ и праздныхъ классовъ, то преступленіями, совершенными во имя права сильнаго, или ради поддержанія существующей несправедливости. Тѣмъ, кто стремится къ торжеству справедливости, кто хочетъ провести новыя мысли въ жизнь, скоро приходится убѣдиться, что осуществленіе благородныхъ, человѣчныхъ, обновляющихъ понятій невозможно въ томъ обществѣ, которое ихъ окружаетъ. Они видятъ, что необходима революціонная буря, которая смела бы всю эту плѣсень, оживила бы своимъ дуновеніемъ застывшія сердца и вдохнула бы въ человѣчество духъ самопожертвованія и героизма, безъ котораго всякое общество пошлѣетъ, падаетъ и разлагается.

Въ эпохи безумной погони за обогащеніемъ, лихорадочныхъ спекуляцій, кризисовъ и внезапныхъ биржевыхъ краховъ, въ эпохи, когда огромныя состоянія составляются въ нѣсколько лѣтъ и съ такою-же быстротою проживаются, — въ такія эпохи люди начинаютъ замѣчать, что экономическія учрежденія, отъ которыхъ зависитъ производство и обмѣнъ, не только не обезпечиваютъ обществу того благосостоянія, которое должны были-бы обезпечивать, но достигаютъ результатовъ совершенно противоположныхъ: вмѣсто порядка, они производятъ хаосъ, вмѣсто благосостоянія — бѣдность и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, вмѣсто гармоніи интересовъ — борьбу постоянную, борьбу эксплуататора съ производителемъ, эксплуататоровъ другъ съ другомъ и производителей

другъ съ другомъ. Общество все рѣзче и рѣзче дѣлится на два враждебныхъ лагеря, подраздѣляясь вмѣстѣ съ тѣмъ еще на тысячи мелкихъ группъ, ведущихъ между собою ожесточенную борьбу. Тогда, утомленное этой борьбой и вытекающими изъ нея бѣдствіями, общество начинаетъ искать новой формы организаціи и громко требовать полнаго измѣненія формъ собственности, производства, обмѣна и всѣхъ вытекающихъ отсюда экономическихъ отношеній.

Правительственный механизмъ, имѣющій задачей поддержаніе существующаго порядка, еще дѣйствуетъ, но его испорченныя колеса то и дѣло цѣпляются и останавливаются. Его воздѣйствіе на общество становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ, а недовольство, вызываемое его недостатками, все ростетъ. Каждый день приноситъ съ собою новыя требованія. — „Здѣсь нужны реформы! Тамъ нужна полная перестройка!“ — кричатъ со всѣхъ сторонъ. — „Военное дѣло, финансы, налоги, суды, полицію — все это нужно передѣлать, реорганизовать, устроить на новыхъ началахъ,“ говорятъ реформаторы. А между тѣмъ всѣ понимаютъ, что ни передѣлать, ни преобразовать ничего нельзя, потому что все связано одно съ другимъ, и передѣлывать пришлось-бы все разомъ. А какъ это сдѣлать, когда общество раздѣлено на два открыто враждебныхъ лагеря? Удовлетворить однихъ недовольныхъ — значитъ вызвать недовольство въ другихъ.

Неспособное на реформы, потому что это значило-бы выступить на путь революціи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слишкомъ слабое, чтобы откровенно броситься въ реакцію, правительство обыкновенно прибѣгаетъ тогда къ полумѣрамъ, которыя никого не удовлетворяютъ, а только вызываютъ новое недовольство. Впрочемъ, посредственности, обыкновенно стоящія въ такія эпохи у кормила правленія, думаютъ теперь только объ одномъ: какъ-бы обогатиться самимъ, прежде чѣмъ наступитъ разгромъ. На нихъ нападаютъ со всѣхъ сторонъ, они защищаются

неумѣло, виляютъ, дѣлаютъ глупость за глупостью, и въ концѣ концовъ отрѣзываютъ себѣ послѣдній путь къ спасенію: губятъ правительственный престижъ, вызывая повсюду насмѣшку своею несостоятельностью.

Въ такія эпохи революція неизбѣжна; она дѣлается общественной необходимостью; положеніе становится революціоннымъ.

* *

Когда мы изучаемъ въ произведеніяхъ нашихъ лучшихъ историковъ зарожденіе и развитіе крупныхъ революціонныхъ потрясеній, мы находимъ у нихъ обыкновенно подъ заглавіемъ: „Причины революціи“ поразительную картину общества наканунѣ событій. Народъ — въ нищетѣ, никто не обезпеченъ въ жизни, повсюду стѣснительныя правительственныя мѣры, скандалы, въ которыхъ обнаруживается вся порочность общества; а тутъ — новыя идеи, пробивающія себѣ дорогу и сталкивающіяся съ неспособностью защитниковъ стараго режима — такова картина, которую рисуютъ историки въ такихъ случаяхъ. Вглядываясь въ нее, мы приходимъ къ убѣжденію, что революція была, дѣйствительно, неизбѣжна, и что иного выхода, кромѣ возстанія, не существовало.

Возьмемъ, напримѣръ, положеніе вещей во Франціи передъ 1789-мъ годомъ, какъ намъ его изображаютъ историки. Вы точно слышите жалобы крестьянина на соляной налогъ, на десятый снопъ, отбираемый духовенствомъ, на крѣпостные платежи. Вы живо чувствуете неумолимую ненависть крестьянина къ помѣщику, къ монаху, къ міроѣду, къ губернатору, выколачивающему налоги. Вы точно видите передъ собою городскую буржуазію, жалующуюся на потерю своихъ городскихъ вольностей и осыпающую проклятіями короля. Вы слышите, какъ народъ бранитъ королеву, возмущается разсказами о томъ, что творятъ министры: какъ вездѣ жалуются, что налоги и различные платежи ложатся невыносимой тяжестью на бѣдныхъ, что урожаи плохи, а зимы слиш-

комъ суровы, что жизненные припасы слишкомъ дороги, а кулаки слишкомъ ненасытны, что деревенскіе адвокаты разворяютъ крестьянина, что полевой сторожъ разыгрываетъ изъ себя царька, что даже почта плохо организована и чиновники черезчуръ лѣнивы... Однимъ словомъ все идетъ плохо, всѣ жалуются. — „Дальше такъ не можетъ продолжаться, это плохо кончится!“ слышится со всѣхъ сторонъ.

Но отъ этихъ мирныхъ разсужденій до бунта, до возстанія — цѣлая пропасть, та пропасть, которая отдѣляетъ у большинства людей *разсужденіе* отъ *дѣйствія*, *мысль* отъ *воли*, отъ потребности дѣйствовать. Какимъ же образомъ люди переступятъ черезъ эту пропасть? Какимъ образомъ тѣ самые, которые еще вчера сѣтовали на свою судьбу, спокойно покуривая трубочки, и черезъ минуту почтительно кланялись тому самому сторожу или жандарму, о которомъ только-что дурно отзывались — какимъ образомъ эти самые люди оказываются всего черезъ нѣсколько дней способными взяться за косы и дубины съ желѣзными наконечниками, и напасть въ его собственномъ замкѣ на того самаго помѣщика, который еще вчера казался имъ такимъ грознымъ? Какая волшебная сила превратила этихъ людей, которыхъ жены справедливо называли трусами, въ героевъ, идущихъ подъ градомъ пуль и картечи на завоеваніе своихъ правъ? Какимъ образомъ *слова*, столько разъ произносившіяся прежде и терявшіяся понапрасну, какъ звонъ колокола въ воздухѣ, превратились, наконецъ, въ *дѣло*?

* *

Отвѣтъ дать нетрудно. — Это превращеніе совершается благодаря дѣйствію — непрерывному и постоянно возобновляющемуся дѣйствію меньшинства. Смѣлость, преданность, духъ самопожертвованія такъ же заразительны какъ и трусость, подчиненность и паника.

Какія формы можетъ принять эта агитація меньшинства? — Да всѣ, рѣшительно всѣ: самыя разнообразныя

формы, смотря по обстоятельствамъ, по средствамъ, имѣющимся подъ руками, по характерамъ. То мрачный, то насмѣшливый, но всегда смѣлый; то коллективное нападеніе, скопомъ, — то чисто личное. Человѣкъ дѣйствія не пренебрегаетъ ни однимъ событіемъ общественной жизни, постоянно стремясь поддерживать возбужденное состояніе умовъ, распространять недовольство и давать ему выраженіе, возбуждать ненависть къ эксплуататорамъ, выставлять въ смѣшномъ видѣ правителей, показывать ихъ слабости, а въ особенности — постоянно пробуждать смѣлость и бунтовской духъ, дѣйствуя своимъ собственнымъ примѣромъ.

II

Когда въ какой-нибудь странѣ общее положеніе становится революціоннымъ, но въ массахъ духъ протеста еще недостаточно развился, чтобы проявиться въ шумныхъ уличныхъ демонстраціяхъ, бунтахъ или возстаніяхъ — тогда, именно *дѣломъ* удается меньшинству пробудить то чувство личнаго почина и ту смѣлость, безъ которой невозможна никакая революція.

Люди чувствующіе, люди, которые не удовлетворяются словами, а стремятся осуществить ихъ въ жизни, неподкупные характеры, для которыхъ дѣло нераздѣльно связано съ мыслью, для которыхъ тюрьма, изгнаніе, смерть — лучше, чѣмъ жизнь, несогласная съ убѣжденіями люди отважные, которые знаютъ, что для успѣха необходимо умѣнье *рыться* — являются застрѣльщиками. Они начинаютъ сраженіе еще задолго до того времени, когда возбужденіе въ массахъ станетъ настолько сильнымъ, что онѣ открыто поднимутъ знамя возстанія и пойдутъ съ оружіемъ въ рукахъ на завоеваніе своихъ правъ.

Среди общихъ жалобъ, разговоровъ, теоретическихъ споровъ, вдругъ совершается какой-нибудь актъ проте-

ста — индивидуальный или коллективный — выражающій господствующее настроеніе. Возможно, что въ первую минуту масса отнесется къ нему безразлично. Она, можетъ-быть, будетъ даже восхищаться смѣлостью отдѣльнаго лица или группы, взявшей на себя починъ дѣла, но сама, можетъ быть, скорѣе послѣдуетъ за тѣми благоразумными и осторожными людьми, которые поспѣшатъ назвать это дѣло „безуміемъ“ и заговорятъ о томъ, что „сумасшедшія, отчаянныя головы испортятъ все“. Въ самомъ дѣлѣ эти благоразумные, осторожные люди такъ хорошо разсчитали, что ихъ партія, медленно ведя свою работу, дойдетъ въ концѣ концовъ до того, что черезъ сто, двѣсти лѣтъ завоюетъ, пожалуй, весь міръ — и вдругъ такой непредвидѣнный случай — непредвидѣнный, конечно, для нихъ — для этихъ благоразумныхъ и осторожныхъ людей. Всякій, кто хоть сколько-нибудь правильно мыслитъ, отлично знаетъ заранѣе, что теоретическая пропаганда революціи непремѣнно поведетъ къ актамъ, задолго до того, какъ теоретики рѣшатъ, что настало время дѣйствовать. Это не мѣшаетъ, однако, мудрымъ теоретикамъ негодовать на безумцевъ, отлучать ихъ отъ своей церкви, предавать ихъ анафемѣ.

Но безумцы встрѣчаютъ и симпатію; народная масса втайнѣ восхищается ихъ смѣлостью; они находятъ подражателей. Первые борцы уходятъ въ тюрьмы и въ каторгу, но за ними являются другіе, которые продолжаютъ ихъ дѣло; акты противозаконнаго протеста, бунты, проявленія мести становятся все многочисленнѣе.

Теперь равнодушное отношеніе уже невозможно. Тѣ, которые вначалѣ даже не задавались вопросомъ о томъ, чего хотятъ „безумцы“, принуждены теперь заниматься или обсуждать ихъ взгляды, высказываться за или противъ нихъ. Акты, привлекающіе всеобщее вниманіе, открываютъ идеѣ доступъ въ умы и вербуютъ ей новыхъ приверженцевъ. Одинъ такой актъ дѣлаетъ иногда въ одинъ день больше пропаганды, чѣмъ тысячи брошюръ.

Важнѣе всего то, что онъ будитъ бунтовской духъ, пробуждаетъ въ людяхъ смѣлость. Старый порядокъ, съ его полицейскими, судьями, жандармами и солдатами казался такимъ же непоколебимымъ, какъ казалась старая крѣпость Бастилія въ Парижѣ. Она, понятно, представлялась совершенно неприступной для безоружнаго народа, подошедшаго подъ ея высокія стѣны, защищенныя пушками. Но, какъ случилось съ Бастиліей, такъ и тутъ. Скоро начинаетъ обнаруживаться, что существующій государственный „порядокъ“ не такъ силенъ, какъ думали раньше. Какого нибудь смѣлаго акта оказывается достаточно, чтобы весь правительственный механизмъ разстроился: чтобы великанъ пошатнулся. Какой нибудь одинъ бунтъ перевертываетъ вверхъ дномъ цѣлую область, а войско обыкновенно такое внушительное отступаетъ передъ горстью крестьянъ, вооруженныхъ камнями и палками, не потому чтобы оно не могло съ ними справиться, а потому что охота звѣрствовать надъ безоружными стала пропадать. И вотъ народъ начинаетъ замѣчать, что чудовище не такъ страшно какъ казалось, что достаточно будетъ нѣсколькихъ энергичныхъ усилій, чтобы его попридержать. Надежда зарождается въ сердцахъ, а мы должны помнить, что если отчаяніе часто толкаетъ на бунтъ, то только надежда — надежда на побѣду — совершаетъ революціи.

Правительство сопротивляется и начинаетъ свирѣпствовать. Но если прежде усмиреніе убивало всякую энергію, то теперь, въ періоды броженія, оно вызываетъ новыя проявленія личнаго и общаго сопротивленія, толкаетъ недовольныхъ на геройскіе акты; мало по малу, эти акты захватываютъ все новые и новые слои, распространяются, развиваются. Революціонная партія усиливается такими элементами, которые раньше относились къ ней враждебно или прозябали въ индеферентномъ состояніи. Правительство, правящіе и привиллегированные классы теряютъ все больше и больше свою сплоченность: одни предлагаютъ сопротивляться до конца, другіе наоборотъ высказываются за уступки, третьи даже доходятъ до то-

го, что изъявляютъ готовность отказаться временно отъ своихъ классовыхъ преимуществъ, чтобы успокоить бунтовской духъ — въ надеждѣ справиться съ нимъ впослѣдствіи. Послѣдовательность дѣйствій правительства и привиллегированныхъ слоевъ общества нарушена.

Правящіе классы попытаются, можетъ быть, еще разъ прибѣгнуть къ свирѣпой реакціи. Но время ея уже прошло; теперь она только обострить борьбу, сдѣлаетъ ее болѣе ожесточенной: грядущая революція только станетъ отъ этого еще болѣе кровавой. Но и малѣйшая уступка со стороны правящихъ классовъ — такъ какъ она является слишкомъ поздно и завоевана народомъ — только еще больше возбуждаетъ революціонный духъ. Прежде народъ, вѣроятно, удовольствовался бы этой уступкой, теперь же онъ замѣчаетъ, что врагъ его подается; онъ предвидитъ побѣду, чувствуетъ, какъ растетъ его смѣлость, и тѣ самыя люди, которые раньше, подъ гнетомъ нужды, только вздыхали втихомолку, теперь поднимаютъ голову и гордо идутъ на завоеваніе лучшаго будущаго.

Наконецъ, вспыхиваетъ революція — съ тѣмъ большей силой, чѣмъ ожесточеннѣе была предшествовавшая борьба.

* *

Направленіе, которое приметъ революція, несомнѣнно зависитъ отъ суммы всѣхъ обстоятельствъ, вызвавшихъ катастрофу. Но его можно предвидѣть заранѣе, по основаніи степени революціонной энергіи, проявленной въ подготовительный періодъ различными передовыми партіями.

Вотъ, напримѣръ, партія, которая хорошо разработала свое теоретическое міросозерцаніе и практическую программу, и дѣятельно распространяла и то и другое словомъ и перомъ. Но она недостаточно проявила свои стремленія видимымъ для всѣхъ образомъ, на улицѣ, такими актами, въ которыхъ выражалась бы характеризующая ее мысль. Она была не достаточно дѣятельна, или же направляла свою дѣятельность на борьбу не съ тѣми, кто являлся ея главнымъ врагомъ, не съ тѣми учреж-

деніями, которыя она стремится уничтожить. У нея была теоретическая сила, но не было энергіи дѣйствія; она мало содѣйствовала пробужденію революціоннаго духа, или же не старалась направить его на борьбу съ тѣмъ, къ разрушенію чего она будетъ въ особенности стремиться въ моментъ революціи. Въ такомъ случаѣ, партія мало извѣстна; ея стремленія не проявлялись постоянно и ежедневно въ такихъ дѣйствіяхъ, слухъ о которыхъ достигъ бы до самой отдаленной хижины; они, поэтому, не проникли достаточно въ народную массу, не прошли черезъ горнило толпы и улицы, и не нашли себѣ выраженія въ какомъ нибудь простомъ краткомъ выраженіи, которое бы стало народнымъ достояніемъ.

Наиболѣе преданные писатели этой партіи, можетъ быть, извѣстны читателямъ, какъ серьезные мыслители, но они не пользуются репутаціей людей дѣйствія, да и не обладаютъ этого рода способностью. И когда настанетъ минута, и толпа выйдетъ на улицу, она пойдетъ за тѣми, кого она лучше знаетъ, кого она видѣла на дѣлѣ, хотя бы ихъ теоретическіе взгляды были, можетъ быть, менѣе опредѣленны, а стремленія — менѣе широки.

Партія которая энергичнѣе другихъ занималась *революціонной агитаціей*, которая проявила больше жизненности и боевой смѣлости, будетъ имѣть и наибольшее вліяніе въ моментъ дѣйствія, — въ ту минуту, когда нужно будетъ двинуться впередъ и сдѣлать какой нибудь смѣлый шагъ для осуществленія цѣлей революціи. Партія же, которая въ подготовительный періодъ не рѣшалась проявиться актами революціоннаго протеста, которая не находила въ себѣ достаточно силъ, чтобы дать толчекъ другимъ, чтобы внушить отдѣльнымъ личностямъ и группамъ готовность къ самопожертвованію и неудержимое стремленіе къ тому, чтобы на дѣлѣ осуществить свои взгляды (если бы такое стремленіе существовало, оно проявилось бы въ *дѣйствіи* гораздо раньше чѣмъ, вся толпа вышла на улицу), — партія, которая не съумѣла сдѣлать своего знамени популярнымъ, своихъ стремленій — до-

ступными и понятными народу, — имѣетъ очень мало шансовъ на осуществленіе какой бы то ни было части своей программы. Она всегда останется позади другихъ партій — партій дѣйствія.

Вотъ чему учитъ насъ исторія временъ, предшествовавшихъ великимъ революціямъ. Революціонная буржуазія это отлично понимала. Когда она стремилась ограничить и обезсилить монархію, напримѣръ во Франціи, въ концѣ 18-го вѣка, она не пренебрегала никакими агитаціонными средствами, чтобы вызвать пробужденіе революціоннаго духа. Инстинктивно понимали это и французскіе крестьяне восемнадцатаго вѣка, когда они возставали ради уничтоженія феодальныхъ правъ, т. е. пережитковъ крѣпостного права. Тѣми же принципами руководился и Интернаціоналъ, когда онъ стремился возбудить бунтовской духъ среди городскихъ рабочихъ и направить его противъ естественныхъ враговъ рабочаго — противъ хищниковъ, захватившихъ въ свои руки орудія труда и все то, что нужно для фабричнаго производства.

III.

По настоящему слѣдовало бы заняться изученіемъ различныхъ агитаціонныхъ пріемовъ, къ которымъ прибѣгали революціонеры различныхъ эпохъ, чтобы ускорить революціонный взрывъ, внести въ массы сознаніе готовящихся событій, яснѣе указать народу, кто его главные враги, разбудить въ людяхъ отвагу и бунтовской духъ. Такая работа была бы въ высшей степени привлекательна и поучительна. Мы всѣ отлично знаемъ, отчего та или другая революція стала неизбѣжной, но мы только инстинктивно, какъ бы ощупью, догадываемся о томъ, *какъ* развивались революціи.

Прусскій генеральный штабъ издалъ какъ-то въ восьмидесятыхъ годахъ руководство для войска, въ которомъ

преподается искусство побѣждать народныя возстанія; тамъ указывается, между прочимъ, какъ дезорганизовать бунтъ, какъ внести упадокъ духа въ ряды революціонеровъ, какъ разбить ихъ силы. Современные буржуа хотятъ бить навѣрняка и рѣзать народъ по всѣмъ правиламъ искусства. Такъ вотъ, работа, о которой мы сейчасъ говорили, должна была бы явиться отвѣтомъ на сочиненіе прусскаго штаба и на многія другія, ему подобныя, которыя трактуютъ о томъ же предметѣ, хотя иногда и не такъ безцеремонно. Она показала бы, какъ дезорганизовать правительство, какъ раздробить его силы, какъ поднять духъ народа, подавленный всею пережитой нуждой и гнетомъ.

Такого труда до сихъ поръ не существуетъ. Историки, правда, показываютъ намъ важнѣйшіе шаги человѣчества на пути къ освобожденію, но они мало обращали вниманія на періоды, предшествовавшіе революціямъ. Всецѣло поглощенные изображеніемъ драматическихъ событій во время революціи, они быстро покачиваютъ со вступленіемъ, а именно вступленіе-то намъ и интересно.*)

* *

Между тѣмъ, что можетъ быть выше, поразительнѣе, прекраснѣе картины дѣятельности провозвѣстниковъ революцій! Посмотрите на неутомимую дѣятельность крестьянъ и нѣсколькихъ энергичныхъ людей изъ буржуазіи передъ 1789 годомъ во Франціи, на упорную борьбу рес-

*) Въ концѣ семидесятыхъ годовъ я много работалъ надъ этимъ предметомъ и собралъ не мало матеріаловъ, частію изъ исторіи Франціи, и частію изъ исторіи Россіи за послѣднія двѣсти-пятьдесятъ лѣтъ. Болѣе живая дѣятельность, потребовавшаяся злобою дня, заставила меня прервать начатую исторію предъ-революціонныхъ бунтовъ. Но такую работу непремѣнно слѣдовало бы сдѣлать. Не найдется ли кто нибудь изъ молодыхъ русскихъ революціонеровъ, кто понималъ бы революцію въ томъ же смыслѣ и взялся бы за подобную работу въ томъ же духѣ? — Событія въ Россіи идутъ такъ быстро, что эта замѣтка уже запоздала. Теперь некогда заниматься исторіей. Нужно на дѣлѣ, поступками, возбуждать бунтовской духъ (май, 1905).

публиканцевъ со времени реставраціи Бурбоновъ въ 1815 году, до ихъ паденія въ 1830-мъ; на энергичную дѣятельность тайныхъ обществъ во время царствованія толстаго буржуа, Луи Филиппа! — Какую поразительную картину преставляютъ собою заговоры итальянцевъ съ цѣлью сверженія австрійскаго ига, ихъ героическія освободительныя попытки, невообразимыя страданія ихъ мучениковъ! А какой мрачной и грандіозной трагедіей явился бы разсказъ о событіяхъ той тайной борьбы, которую ведетъ съ 1860 года и до нашего времени русская молодежь противъ правительства, противъ нашихъ земельныхъ порядковъ и капиталистическаго строя! Сколько благородныхъ личностей встало бы передъ современнымъ соціалистомъ при чтеніи этихъ драмъ, сколько онъ увидѣлъ бы преданности, сколько величайшаго самоотверженія! А вмѣстѣ съ тѣмъ, какую бы это дало революціонную подготовку — не теоретическую, а практическую — людямъ нашего поколѣнія! А они такъ сильно въ ней нуждаются!

Мы разсмотримъ одинъ изъ такихъ періодовъ — періодъ, предшествовавшій революціи 1789 года — и, оставивъ въ сторонѣ изученіе тѣхъ обстоятельствъ, благодаря которымъ въ концѣ восемнадцатаго вѣка создалось революціонное положеніе дѣлъ, отмѣтимъ только нѣкоторые изъ агитаціонныхъ пріемовъ употреблявшихся нашими предшественниками.

* *

Революція 1789 — 1793 года привела къ двумъ главнымъ результатамъ: во первыхъ къ уничтоженію королевскаго самодержавія и переходу власти къ буржуазіи; во вторыхъ, къ окончательной отмѣнѣ крѣпостного права и крѣпостныхъ (феодальныхъ) повинностей, лежавшихъ еще на крестьянствѣ. Оба эти явленія тѣсно связаны другъ съ другомъ и не могли бы произойти одно безъ другого. Поэтому, мы находимъ оба эти теченія и въ той агитаціи, которая велась передъ революціей: среди буржуазіи — противъ

королевской власти, среди крестьянства — противъ помѣщичьихъ правъ.

Посмотримъ на ту и на другую.

Газеты не имѣли въ то время того значенія, какое онѣ имѣютъ теперь, ихъ замѣняла брошюра, бойко написанный памфлетъ*), а не то и листокъ въ три или четыре страницы. А потому мы видимъ, что брошюры и памфлеты существуютъ во множествѣ. Брошюра популяризируетъ, для массы, идеи философовъ и экономистовъ, провозвѣстниковъ революціи; памфлетъ же и летучій листокъ ведутъ агитацію противъ трехъ главныхъ враговъ: короля съ его дворомъ, аристократіи и духовенства. Теоріями они не занимаются; ихъ оружіе — насмѣшка, бичеваніе.

Тысячи этихъ летучихъ листковъ разсказываютъ о придворной жизни, особенно о королевѣ; они выставляютъ въ смѣшномъ видѣ дворъ, срываютъ съ него его обманчивую показную оболочку, показываютъ всѣ его пороки, расточительность, испорченность, глупость, любовныя интриги королевы, придворные скандалы, безумные расходы, „голодный договоръ“, — т. е, союзъ власть-имущихъ со скупщиками хлѣба, съ цѣлью обогатиться цѣною народнаго голода — вотъ о чемъ говорятъ памфлеты. Листки не дремлютъ, они не пропускаютъ ни одного событія общественой жизни, пользуются всѣмъ, чтобы нанести ударъ врагу. Какъ только въ публикѣ заговорятъ о какомъ нибудь происшествіи — памфлетъ и летучій листокъ тутъ какъ тутъ и уже со свойственной имъ безцеремонностью толкуютъ его по своему. Для этого рода агитаціи они удобнѣе газеты. Газета, вѣдь это — цѣлое предпріятіе; прежде чѣмъ рискнуть ея существованіемъ, приходится серьезно задуматься: исчезновеніе газеты часто создало бы цѣлый рядъ затрудненій для партіи. Памфлетъ же или летучій листокъ не компрометируютъ никого кромѣ автора и типографщика, да и тѣхъ пойдите, ищите. . . .

*) Брошюра, рѣзко нападающая на что нибудь или на кого нибудь.

Авторы этихъ сочиненій, конечно, обходятся безъ цензуры; правда, въ то время судебное преслѣдованіе печати — прелестное изобрѣтеніе современнаго іезуитизма — еще не существовало, но автора или типографщика всегда можно было посадить въ тюрьму при помощи особой безымянной бумаги, заранѣе подписанной королемъ — средство, правда, грубое, но, по крайней мѣрѣ, откровенное, и ничуть не грубѣе Третьяго Отдѣленія.

Вотъ почему эти памфлеты печатались или въ Амстердамѣ, или еще гдѣ нибудь, „за тысячу верстъ отъ Бастиліи, подъ деревомъ свободы". Они поэтому наносятъ свои удары, не стѣсняясь, и свободно клеймятъ и короля, и королеву съ ея любовниками, и придворныхъ, и аристократовъ. Благодаря этому подпольному печатанію, всѣ усилія полиціи оказываются тщетными.

Напрасно она дѣлаетъ обыски у книгопродавцевъ, напрасно арестовываетъ разносчиковъ: неизвѣстные авторы скрываются отъ всѣхъ преслѣдованій и продолжаютъ свое дѣло.

* *

Пѣсня — слишкомъ смѣлая по содержанію, чтобы быть напечатанной, несмотря на это, облетѣла всю Францію, передаваясь изъ устъ въ уста, и всегда составляла одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ орудій пропаганды. Ее направляли противъ существующихъ властей, въ ней осмѣивали коронованныхъ особъ, она проникала даже въ семейныя дѣла, распространяя презрительное отношеніе къ королевской власти, ненависть къ духовенству и аристократіи, и надежду на скорое наступленіе революціи.

Но особенно удобнымъ средствомъ были для агитаторовъ прокламаціи. Прокламація возбуждаетъ толки повсюду и производитъ гораздо больше впечатлѣнія, чѣмъ памфлетъ или брошюра. А потому прокламаціи — печатныя или писанныя — являются передъ каждой всякій разъ, какъ только произойдетъ какое нибудь событіе, интересующее массу публики. Ихъ срываютъ, а на дру-

Библіотека О

гой день онѣ появляются вновь, къ великой досадѣ правительства и его агентовъ. Каждый городъ выпускаетъ свои прокламаціи. — „Мы упустили вашего дѣда, но васъ не упустимъ!“ читаетъ сегодня король на листкѣ, приклеенномъ къ стѣнамъ дворца. А завтра королева плачетъ отъ злости, видя на стѣнахъ описаніе своей развратной жизни. Уже и тогда обнаруживалась ненависть, которую впослѣдствіи питалъ народъ къ этой женщинѣ, готовой преспокойно уничтожить весь Парижъ, лишь бы остаться самодержавной королевой.

Дворъ собирается, напримѣръ, праздновать рожденіе наслѣдника — прокламаціи грозятъ поджечь городъ. Это вселяетъ панику и готовитъ умы къ необыкновеннымъ событіямъ. А то возвѣщается, что „*король и королева будутъ, подъ сильнымъ карауломъ, отведены на площадь Гревы, затѣмъ отправятся въ думу, чтобы покаяться въ своихъ преступленіяхъ, и взойдутъ на эшафотъ, гдѣ будутъ сожжены.*“ Король созываетъ собраніе Свѣдущихъ Людей (нотаблей) въ 1788 году, — а въ прокламаціяхъ тотчасъ же возвѣщается, что „новая актерская труппа собранная Калономъ (первымъ министромъ), начнетъ свои представленія 29 числа этого мѣсяца и дастъ аллегорическій балетъ подъ названіемъ «Бочка Данаидъ»*) Еще болѣе озлобленныя по тону прокламаціи проникаютъ иногда даже въ ложу королевы, возвѣщая близкую казнь тирановъ.

Но особенно сильно ведется борьба посредствомъ прокламацій со скупщиками хлѣба, откупщиками и губернаторами (интендантами). Всякій разъ, когда въ народѣ начинается броженіе, въ прокламаціяхъ возвѣщается наступленіе Варфоломеевской ночи (т. е. попросту избіенія) для всѣхъ интендантовъ и откупщиковъ. Если какой нибудь хлѣбный торговецъ, фабрикантъ, или губер-

*) Бочка, въ которую сколько ни лей, никакъ ея не наполнить. Подъ этимъ имѣлся въ виду государственный бюджетъ, съ его вѣчно растущими налогами и долгами.

чаторъ особенно сильно возбуждаютъ противъ себя народную ненависть, прокламаціи, „именемъ Народнаго Совѣта", „именемъ Народнаго Парламента" и т. д., осуждаютъ его на смерть. А когда, впослѣдствіи, явится случай къ бунту, народный гнѣвъ направится именно на этихъ эксплуататоровъ, имена которыхъ онъ привыкъ читать въ прокламаціяхъ.

Если бы возможно было собрать безчисленныя прокламаціи, которыя были расклеены впродолженіе десяти-пятнадцати лѣтъ передъ революціей, мы бы увидѣли какую громадную роль сыгралъ въ подготовленіи возстанія этотъ родъ агитаціи. Сначала веселыя и насмѣшливыя, затѣмъ все болѣе и болѣе грозныя — по мѣрѣ того какъ приближается развязка, — прокламаціи всегда на готовѣ, всегда откликаются *на всякое событіе въ ежедневной политикѣ, на всякое настроеніе массъ*. Онѣ вызываютъ чувство гнѣва и презрѣнія, указываютъ на настоящихъ враговъ народа, возбуждаютъ среди крестьянъ, рабочихъ и буржуазіи ненависть къ врагамъ, возвѣщаютъ день возмездія и освобожденія.

* *

Повѣсить или четвертовать чье нибудь чучело или изображеніе — было въ восемнадцатомъ вѣкѣ очень обычнымъ пріемомъ и однимъ изъ самыхъ общенародныхъ способовъ агитаціи. Всякій разъ какъ только начиналось броженіе въ умахъ, появлялись на улицахъ группы людей съ куклой, изображавшей того, кто въ настоящую минуту былъ главнымъ врагомъ. Эту куклу затѣмъ вѣшали, жгли или четвертовали. — „Ребячество!" скажутъ намъ молодые старики, считающіе себя очень мудрыми. А между тѣмъ нападеніе на домъ Ревельона во время выборовъ 1789 года и убійство Фулона и Бертье (все скупщики хлѣба и грабители), совершенно измѣнившія характеръ надвигавшейся революціи и давшія выборамъ въ Парижѣ совершенно новый характеръ, были ничѣмъ инымъ, какъ осуществленіемъ на дѣлѣ того, что уже издавна подготовлялось казнью соломенныхъ чучелъ.

Парижскій народъ ненавидѣлъ Мопу, одного изъ любимыхъ министровъ короля. И вотъ въ одинъ прекрасный день собирается толпа; въ ней раздаются голоса, выкрикивающіе, что „Приговоромъ Парламента канцлеръ Мопу приговаривается къ сожженію, а прахъ его долженъ быть разсѣянъ по вѣтру!“ Затѣмъ толпа направляется съ чучеломъ Канцлера, увѣнчаннымъ всѣми орденами, къ статуѣ Генриха IV, и тамъ чучело предается сожженію при рукоплесканіяхъ толпы. Въ другой разъ, чучело аббата Терро, въ священническомъ облаченіи, въ бѣлыхъ перчаткахъ, повѣсили на фонарѣ. Въ Руанѣ четвертуютъ чучело Мопу, а когда жандармы мѣшаютъ толпѣ собраться, она, чтобы дать себѣ нѣкоторое удовлетвореніе, вѣшаетъ въ другомъ мѣстѣ за ноги чучело, изображающее одного скупщика хлѣба, у котораго изъ носа, рта и ушей сыплется рожь.

Въ такомъ чучелѣ — цѣлая проповѣдь, гораздо болѣе дѣйствительная, чѣмъ отвлеченная проповѣдь, доступная лишь меньшинству освѣдомленныхъ людей!

* *

Для подготовленія тѣхъ бунтовъ, которые предшествовали великой революціи, важнѣе всего было, чтобы народъ привыкъ выходить на улицу, выражать свое мнѣніе на площади; чтобы онъ привыкъ не бояться ни полиціи, ни войска, ни кавалеріи. Вотъ почему революціонеры того времени не пренебрегали никакими средствами, чтобы привлечь толпу на улицу, чтобы вызвать стеченіе народа.

Ради этого, и въ Парижѣ и въ провинціи, пользуются всякимъ случаемъ. Положимъ, общественное мнѣніе добилось отъ короля удаленія какого-нибудь ненавистнаго министра: — по этому поводу устраиваются безконечныя празднества, безконечныя иллюминаціи. Чтобы привлечь толпу, жгутся хлопушки, пускаются ракеты „въ такомъ количествѣ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ходили по картону“. А если на покупку ихъ не хватаетъ денегъ, то на улицѣ останавливаютъ хорошо одѣтыхъ прохожихъ и про-

сятъ у нихъ „вѣжливо, но твердо“, — „нѣсколько мѣдныхъ для увеселенія народа“. Затѣмъ, когда собралась большая толпа, ораторы объясняютъ и толкуютъ событія; образуются клубы на открытомъ воздухѣ. Войска и кавалерія, если и являются разгонять толпу, то не рѣшаются сейчасъ-же пустить въ ходъ силу противъ мирныхъ людей, среди которыхъ есть и женщины; а изъ толпы пускаютъ фейерверки, шутихи, совсѣмъ подъ морды лошадей и подъ ноги солдатамъ, при одобрительныхъ крикахъ и смѣхѣ собравшейся публики; и такъ охлаждаютъ пылъ тѣхъ, которые захотѣли бы слишкомъ смѣло врѣзаться въ толпу.

Въ провинціальныхъ городахъ случается, что трубочисты ходятъ по улицамъ и изображаютъ засѣданіе королевскаго совѣта; люди съ замазанными лицами, представляющіе короля и королеву, возбуждаютъ всеобщій хохотъ своими колкими остротами. А не то акробаты, фокусники собираютъ вокругъ себя толпу и, въ перемежку съ комическими разсказами, пускаютъ свои стрѣлы по адресу богатыхъ и сильныхъ. Понемногу, въ собравшейся толпѣ слышатся все болѣе и болѣе грозныя рѣчи, и тогда плохо приходится богачу, или чиновнику, который вздумалъ бы проѣхать въ эту минуту въ своемъ экипажѣ.

* *

Если только умъ поработаетъ въ этомъ направленіи, то мало-ли случаевъ найдутъ сообразительные люди, чтобы собрать вокругъ себя толпу? Сначала это будетъ толпа веселая, а затѣмъ, пожалуй, и готовая къ кое-какому дѣйствію — въ особенности если броженіе было подготовлено заранѣе общимъ положеніемъ дѣлъ и дѣятельностью энергичныхъ личностей.

И то и другое было тогда на лицо: съ одной стороны, революціонное положеніе дѣлъ и всеобщее недовольство, а съ другой — прокламаціи, памфлеты, листки, пѣсни, казни чучелъ; все это увеличивало рѣшительность населенія, и сборища становились все болѣе и болѣе угрожающими. Сегодня на одномъ изъ перекрестковъ напали

въ Парижѣ на архіепископа; завтра — чуть не утопили какого-то проѣхавшаго въ каретѣ герцога; а тамъ, толпа освистала на улицѣ членовъ правительства. Акты протеста разнообразятся до безконечности — вплоть до того дня, когда малѣйшей искры будетъ достаточно, чтобы превратить сборище въ бунтъ, а бунтъ — въ революцію.

„Всѣ эти бунты — дѣло подонковъ населенія, лѣнтяевъ и всякихъ негодяевъ", говорятъ намъ теперь благонравные историки. И то правду сказать, — не въ сферѣ же обезпеченныхъ классовъ искала себѣ сообщниковъ революціонная буржуазія. Богатые господа умѣли только жаловаться у себя въ гостинныхъ, а черезъ минуту сами же кланялись начальству, да еще пониже! Поэтому, когда нужно было освистать на улицѣ его Высокопреосвященство, архіепископа парижскаго, то товарищей, вооруженныхъ дубинами, приходилось искать въ самыхъ темныхъ кабачкахъ предмѣстій, — что бы тамъ ни говорили теперь, сто лѣтъ спустя, конфузливые и благонравные историки! Въ самыхъ худыхъ кабачкахъ и притонахъ, среди всякаго народа, отъ котораго теперь сторонятся перчаточные республиканцы.

IV

Если бы дѣятельность революціонеровъ ограничилась нападеніемъ на правительственныхъ лицъ и на правительственныя учрежденія, не дотрогивались до экономическихъ формъ, т. е. до земли, до вопроса о хлѣбѣ, — развѣ могла бы Великая Революція стать тѣмъ, чѣмъ она стала въ дѣйствительности? Развѣ она выросла бы во всеобщее возстаніе народныхъ массъ — крестьянъ и рабочихъ — противъ привилегированныхъ классовъ? Развѣ она продолжалась бы четыре года? развѣ она взволновала бы до дна всю Францію? Развѣ она нашла бы въ себѣ

то непобѣдимое вдохновеніе, которое дало ей силу сопротивляться всѣмъ „соединеннымъ королямъ“?

Конечно нѣтъ! Пусть господа историки прославляютъ, сколько угодно, Третье Сословіе, т. е. членовъ Учредительнаго Собранія или Конвента, — мы знаемъ, какъ было дѣло въ дѣйствительности. Мы знаемъ, что Революція привела бы всего на всего къ микроскопическому конституціонному ограниченію королевской власти, совершенно не затронувши феодальнаго, крѣпостного строя, если бы по всей странѣ не возстала крестьянская Франція, и если бы въ теченіе четырехъ лѣтъ крестьянское возстаніе не поддерживало бы анархію, т. е. самостоятельную революціонную дѣятельность отдѣльныхъ группъ и отдѣльныхъ личностей, помимо всякой правительственной опеки. Мы знаемъ, что если послѣ Революціи крестьянинъ не остался попрежнему вьючнымъ животнымъ, то только потому, что крестьянское возстаніе свирѣпствовало во Франціи съ 1789-го вплоть до 1793-го года. И только тогда Конвентъ (Народное Представительное Собраніе) вынужденъ былъ утвердить закономъ полное уничтоженіе крѣпостныхъ обязательствъ безъ выкупа, когда крестьяне уже осуществили на практикѣ, въ большей половинѣ Франціи, а именно — въ восточной, полную отмѣну всѣхъ феодальныхъ повинностей, — оброковъ, выкупа и пр., — и возвратили крестьянскимъ общинамъ тѣ земли, которыя были у нихъ отняты подъ всякими предлогами помѣщиками и всякими богатѣями, при королевскомъ самодержавіи. Совершенно напрасно ждали бы отъ различныхъ Парламентовъ и Соборовъ крестьяне и бѣднота осуществленія этихъ самыхъ первыхъ требованій справедливости, если бы „санъ-кюлоты“, т. е. по русски голоштанные, не бросили на чашку парламентскихъ вѣсовъ свои дубины и пики!

* *

Но возстаніе деревень не могло быть вызвано агитаціею противъ короля и министровъ, ни расклеиваніемъ въ Парижѣ прокламацій, направленныхъ противъ коро-

левы. Крестьянское возстаніе было подготовлено, съ отной стороны, общимъ положеніемъ дѣлъ, общимъ угнетеніемъ и обѣднѣніемъ крестьянъ, а съ другой стороны — агитаціею, которую вели среди народа люди, вышедшіе изъ самаго народа, и нападавшіе на его непосредственныхъ враговъ: на помѣщика, на попа, на хлѣботорговца, скупавшаго хлѣбъ по деревнямъ у голодныхъ мужиковъ, на сытаго купца, хуторянина.

Этотъ родъ агитаціи гораздо менѣе извѣстенъ, чѣмъ то, что говорилось въ палатахъ и дѣлалось въ столицѣ. Исторія Парижа написана; исторія же деревни никогда еще не была даже серьезно начата. Историки вообще очень мало знаютъ о крестьянинѣ, но хоть то немногое, что намъ уже извѣстно, все-таки можетъ дать намъ нѣкоторое представленіе о томъ, какъ шли дѣла въ деревняхъ.

Въ то время брошюры и летучіе листки мало проникали въ деревню. Крестьяне были большею частію безграмотны. А потому, конечно, прежде всего устраивались тайныя сходки, гдѣ грамотные прочитывали надежнымъ людямъ изъ крестьянъ то, что до нихъ доходило изъ Парижа, а иногда изъ заграницы. Затѣмъ пропаганда велась очень часто посредствомъ рисунковъ, напечатанныхъ, а иногда и прямо сдѣланныхъ отъ руки, — простыхъ и легко понятныхъ. Нѣсколькихъ словъ въ поясненіе къ лубочной картинкѣ, распространенной по деревнямъ, достаточно было для того, чтобы въ народномъ умѣ сложились цѣлыя исторіи насчетъ короля, королевы, графа Артуа, молодого де-Ламбаль, „голоднаго договора,“ помѣщиковъ — „вампировъ, сосущихъ народную кровь,“ и т. д. (Крупные господа при королевскомъ дворѣ сложились тогда, чтобы торговать хлѣбомъ: его скупали и увозили заграницу, а дома народъ голодалъ, — точь въ точь, какъ теперь въ Россіи). Эти рисунки распространялись по деревнямъ въ большихъ количествахъ и подготовляли умы.

А то вдругъ гдѣ нибудь на деревнѣ оказывалась прибита рукописная прокламція. Въ ней призывали къ возстанію, обѣщали крестьянамъ лучшія времена, или разсказывали о бунтахъ, вспыхнувшихъ гдѣ нибудь на другомъ концѣ Франціи.

Въ деревняхъ повсемѣстно и постоянно стали организовываться, подъ названіемъ „Якововъ“ (Жаки), тайныя общества съ бунтовскими цѣлями. То оказывалось, Жаки подожгли помѣщичій амбаръ, или сожгли барскіе стоги, а иногда и самаго барина убили, если оказывалось, что отъ него, богатаго и сильнаго, или отъ его управляющаго, небыло житья народу. И не разъ и не два случалось, что около помѣщичьяго замка находили чей нибудь трупъ, пронзенный кинжаломъ, у котораго къ рукояткѣ была привязана надпись: „Отъ Жаковъ“!

Вотъ съ горы, по краю оврага спускается тяжелый рыдванъ; это помѣщикъ возвращается въ свое имѣніе. Но вдругъ два прохожихъ взялись ниѣсть откуда; связали барина, при содѣйствіи его кучера, и спустили въ оврагъ, и въ его карманѣ находятъ записку со словами: „Отъ Жаковъ!“ Не мало было такихъ дѣлъ.

А то, вдругъ, на перекресткѣ двухъ дорогъ оказывается воздвигнута висѣлица, а на ней надпись: „Если помѣщикъ осмѣлится взыскивать оброкъ, онъ будетъ повѣшенъ на сей висѣлицѣ. И если кто нибудь осмѣлится платить оброкъ, то и онъ будетъ подвергнутъ той же участи!“ И вотъ крестьяне, весьма довольные случаю уклониться отъ платежа, переставали платить оброкъ, иначе какъ развѣ по особому принужденію начальства. И шла молва по деревнямъ, что нынче оброкъ больше не платить. Запретъ вышелъ.*) И вотъ крестьяне потувствовали,

*) Не такъ давно въ, 1881 году также поступили ирландцы. Ихъ Земельная Лига пустила слово: „никакихъ оброковъ“ (no rent), и больше третьей части всѣхъ оброковъ, слѣдовавшихъ съ крестьянъ по всей Ирландіи, остались на пользу

что гдѣ-то зашевелилась какая-то тайная сила, поддерживающая ихъ. Они пріучались къ мысли о возможности ничего не платить, привыкали сопротивляться помѣщику. А вскорѣ крестьяне и въ самомъ дѣлѣ перестали вовсе платить и стали угрозами вынуждать помѣщиковъ, чтобы они добровольно отказались отъ всякихъ тамъ оброковъ и выкуповъ. И помѣщики спѣшили сами отказаться, лишь бы душу спасти.

Въ деревняхъ, то и дѣло появлялись прокламаціи, возвѣщавшія, что всякіе платежи повинностей прекращаются, и приглашавшія во имя рѣшенія Народнаго Совѣта, жечь помѣщичьи замки, поземельныя росписи, и уставныя грамоты.

„Хлѣба! И никакихъ платежей, никакихъ повинностей!“ —такое было пущено слово по деревнямъ; и такое слово понималъ всякій: оно легко находило доступъ и къ сердцу матери, у которой дѣти уже три дня какъ ничего не ѣли, и его отлично понималъ крестьянинъ, съ котораго чиновники тянули недоимки. — „Запретъ такой вышелъ. Какъ платить, коли меня-же за то на висѣлицу!“ — И никто не платилъ.

А то появлялись вездѣ прокламаціи: „Долой скупщиковъ хлѣба!“ — И вотъ амбары скупщиковъ взламывались, на обозы, которые они посылали, нападали крестьяне, и вскорѣ цѣлая область оказывалась охваченной возстаніемъ. „Долой таможни!“ — и крестьяне жгли заставы, избивали таможенныхъ чиновниковъ. Тѣмъ временемъ и въ городахъ народъ тоже надумывался и тамъ тоже начиналъ возставать. — „Въ огонь всѣ податныя счетныя книги, всѣ городскіе архивы!“ неслось по городамъ. И вотъ въ іюлѣ 1789 года бумаги жгли вездѣ, по городамъ крестьяне нападали на помѣщичьи усадьбы, жгли уставныя грамоты и требовали отъ помѣщиковъ отказа ото всякихъ повинностей и оброковъ.. Государственная

крестьянамъ. Въ иныхъ округахъ никто ничего не платилъ, кромѣ развѣ какого нибудь измѣнника.

власть оказывалась разстроенной, помѣщики бѣжали заграницу, а революція тѣмъ временемъ все больше и больше расширяла свой кругъ.

Все то, что происходило въ Парижѣ въ слѣдующіе четыре года, съ 1789-го года, по 1763-й, было не болѣе какъ отголоскомъ того, что дѣлалось въ провинціи, по деревнямъ и городамъ — отголоскомъ той революціи, которая втеченіе четырехъ лѣтъ взволновала каждый городъ, каждую деревушку въ восточной Франціи, гдѣ народъ возставалъ не столько противъ центральной государственной власти, сколько противъ своихъ непосредственныхъ враговъ — мѣстныхъ эксплуататоровъ и піявокъ. Безъ этихъ возстаній, Парижъ былъ бы безсиленъ противъ короля.

Они дали смѣлость буржуазіи ограничить короля, они дали парижскому народу смѣлость силою пойти противъ короля и возможность побѣдить его, взять его въ плѣнъ и казнить его. Безъ этихъ тысячей мелкихъ бунтовъ не было бы революціи.

* *

Французская революція 1788—93-го года, представляющая собою въ крупныхъ размѣрахъ полную дезорганизацію государственной власти силою народной революціи (экономической по своему существу, какъ всякая истинно-народная революція) является для насъ драгоцѣннымъ и поучительнымъ примѣромъ.

Еще задолго до 1789 года положеніе дѣлъ во Франціи было революціоннымъ. Но бунтовской духъ тогда еще не достаточно созрѣлъ, чтобы революція могла вспыхнуть; и вотъ усилія революціонеровъ направлялись на развитіе этого революціоннаго духа, на развитіе смѣлости въ народѣ и ненависти во всѣхъ къ существующему общественному порядку.

Пока революціонеры изъ буржуазіи направляли свои удары противъ правительства, революціонеры изъ народа — имена которыхъ даже не сохранились въ исторіи — люди, вышедшіе изъ среды этого народа, подготовля-

ли всевозможными актами протеста противъ помѣщиковъ, чиновниковъ и всякого рода міроѣдовъ, с в о е возстаніе, с в о ю революцію.

Когда, въ 1788 году, серьезные бунты народныхъ массъ уже возвѣщали приближеніе революціи, королевская власть и буржуазія стали стараться успокоить ихъ нѣкоторыми уступками. Но могла ли народная волна утихнуть отъ созыва Земскаго Собора (Генеральныхъ Штатовъ), отъ іезуитскихъ уступокъ, сдѣланныхъ въ ночь на 4-го августа, или отъ ничтожныхъ реформъ, сдѣланныхъ Законодательнымъ Собраніемъ? — Такими средствами можно было бы успокоить политическій бунтъ, но не имъ было совладать съ народнымъ возстаніемъ. И волна росла все выше и выше. Но, нападая на собственность, она въ тоже время дезорганизовала г о с у д а р с т в е н н у ю в л а с т ь к о р о л я. Она дѣлала какое бы то ни было управленіе страною совершенно невозможнымъ, — и въ результатѣ народное возстаніе, направленное противъ помѣщиковъ и вообще богачей, черезъ четыре года совершенно снесло какъ извѣстно, самодержавіе и королевскую власть.

И таковъ ходъ всѣхъ великихъ революцій. Таково же будетъ развитіе и таковъ же будетъ ходъ и будущей революціи, если только она будетъ - а мы въ этомъ убѣждены — не только простой смѣной правительствъ, но настоящей народной революціей, т.е. такимъ переворотомъ, который кореннымъ образомъ измѣнитъ формы собственности.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Взглядъ на великую французскую революцію, который проводится здѣсь, отличается отъ казеннаго, общепринятаго; я долженъ, поэтому, въ нѣсколькихъ словахъ выяснить его для читателя. Съ точки зрѣнія историковъ — поклонниковъ буржуазіи, ареной великой драмы были, главнымъ образомъ, большіе города, а въ особенности парламентскія учрежденія. Деревенское населеніе, говорятъ они, тоже волновалось, послѣ того какъ Парижъ далъ ему сигналъ къ движенію взятіемъ Бастиліи; было сожжено нѣсколько феодальныхъ замковъ, а затѣмъ все успокоилось. А если и были впослѣдствіи какіе нибудь бунты (ихъ серьезность, при этомъ, стараются умень шить), то это было дѣло „разбойниковъ", несомнѣнно подкупленныхъ контръ-революціей и желавшихъ только вызвать безпорядокъ, потому что не могли же, въ самомъ дѣлѣ, честные республиканцы и патріоты стремиться къ безпорядку, послѣ провозглашенія „великихъ принциповъ" 1789 года и послѣ того, какъ революція уже стала на такую хорошую дорогу, благодаря Учредительному Собранію и Конвенту! Такъ учатъ буржуазные историки.

Нашъ взглядъ — совершенно противоположный. Крестьянскія возстанія въ деревняхъ и движенія босяковъ въ городахъ начинаютъ становиться болѣе или менѣе замѣтными уже съ 1788 года, а съ первыхъ мѣсяцевъ 1789-го дѣлаются болѣе многочисленными; они также получаютъ болѣе опредѣленный характеръ — требованія отмѣны феодальныхъ правъ. Разъ начавшись, эти народныя возстанія уже не прекращаются вплоть до 1793 года. И въ нихъ, а не въ парламентской болтовнѣ — вся сила революціи.

Если въ промежутокъ времени отъ мая до іюля 1789 года буржуазія обнаруживаетъ такую смѣлость, если 4-го августа аристократія разыгрываетъ комедію „принесенія своихъ правъ въ жертву на алтарь своего отечества", то это зависитъ отъ того что уже съ февраля крестьянство Франціи возстало: перестало платить повинности, возмущается противъ помѣщиковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ волнуются и тѣ, которыхъ называютъ „поддонками городского населенія". Парижское возстаніе 11-14 іюля, 1789 года, кончившееся взятіемъ Бастиліи, точно также, какъ и движенія въ Страсбургѣ и другихъ большихъ городахъ, совершившіяся вслѣдъ за тѣмъ, вовсе не представляютъ собою такихъ чинныхъ, выглаженныхъ движеній, какими ихъ намъ изображаютъ; это — вовсе не протестъ противъ паденія Неккера, а настоящія возстанія босяковъ противъ богачей вообще, — возстанія, которыми буржуазія

пользуется, чтобы, поставивъ ихъ въ извѣстныя рамки, овладѣть ими въ цѣляхъ сверженія королевской власти.

То, что мы видимъ въ селахъ и городахъ въ 1789 году повторяется впродолженіе всѣхъ четырехъ лѣтъ революціи. Въ деревняхъ происходитъ рядъ крестьянскихъ бунтовъ, а въ городахъ — безпрерывныя возстанія рабочихъ и вообще бѣдноты.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть хотя бы на докладъ Грегуара, представленный имъ отъ феодальнаго Комитета въ январѣ 1790 года. По этому докладу можно уже судить о распространеніи крестьянскихъ волненій въ это время; а чтобы понять, почему для уничтоженія выкупа феодальныхъ повинностей и возвращенія общинамъ земель, отнятыхъ у нихъ помѣщиками, необходимо было такое продолжительное возстаніе, достаточно вспомнить мартовскіе законы 1790 года, которые еще предписывали сохраненіе нѣкоторыхъ „десятинъ, какъ духовныхъ, такъ и феодальныхъ", а также полную уплату, вплоть до выкупа, всевозможныхъ повинностей и платежей, какъ деньгами, такъ и натурой, которые сохранились еще со временъ крѣпостного права; причемъ эти законы запрещали „кому бы то ни было, письменно, или рѣчами, или угрозами, препятствовать взиманію десятины или оброковъ, подъ страхомъ наказанія за нарушеніе общественнаго спокойствія." Этотъ декретъ, изданный черезъ десять мѣсяцевъ послѣ знаменитой ночи 4-го августа и почти черезъ годъ послѣ взятія Бастиліи, показываетъ, много ли выигралъ бы крестьянинъ, если бы крестьянскія движенія не продолжались. (См. объ этомъ подробнѣе въ рядѣ статей объ уничтоженіи феодальныхъ правъ, которыя я печатаю въ нашей парижской газетѣ, *Temps Nouveaux*, 1904 и 1905 года).

Вотъ почему Тэнъ, несмотря на оскорбленія, которыми онъ осыпаетъ народъ — вѣроятно, въ угоду академическому стилю — очень близокъ къ истинѣ, когда говоритъ, что во время Революціи произошло пять или шесть жакерій одна за другой. Крестьянское возстаніе въ сущности тянулось четыре года — отъ 1788 до 1793, — пока Конвентъ, подъ давленіемъ возставшаго Парижскаго народа, не призналъ, наконецъ, совершившійся фактъ, не отмѣнилъ предшествовавшіе декреты о феодальныхъ правахъ и общинныхъ земляхъ, не издалъ распоряженія о возвращеніи общинамъ земель, отнятыхъ у нихъ помѣщиками, въ пользу всѣхъ крестьянъ, какъ собственниковъ, такъ и пролетаріевъ, и не уничтожилъ окончательно какъ самыя феодальныя права, такъ и выкупъ ихъ, установленный Учредительнымъ Собраніемъ. Впрочемъ, какъ и всѣ подобныя движенія, крестьянскія возстанія не

происходили повсемѣстно и безпрерывно. Они то угасали, то вновь вспыхивали, замирали въ одномъ мѣстѣ и возрождались въ другомъ, постоянно переходя съ мѣста на мѣсто.

Безъ этого возстанія, поддерживавшагося волненіями въ городахъ, Революція осталась бы для насъ совершенно непонятной; она была бы невозможна. Извѣстный историкъ восемнадцатаго вѣка, Шлоссеръ, очень хорошо замѣтилъ это затрудненіе. — „Какъ могъ Робеспьеръ держать такимъ образомъ въ рукахъ всю Францію?“ — спросилъ онъ однажды у аббата Грегуара, на что Грегуаръ отвѣтилъ слѣдующими словами, отлично изображающими положеніе дѣлъ: — „Робеспьеръ!“ воскликнулъ онъ, — „да въ каждой деревнѣ былъ свой Робеспьеръ!“ Онъ бы выразился еще вѣрнѣе, если бы сказалъ „свой Маратъ, свой клубъ „неистовыхъ!“

Только благодаря этому возстанію, уничтоженіе самодержавія стало возможнымъ. Пока крестьяне возставали ради своихъ собственныхъ цѣлей, пока городскіе санъ-жюлоты, ощупью отыскивая путь къ иному будущему, свергали существующія правительства и такимъ образомъ мѣшали установленію какой бы то ни было твердой власти, — буржуазія смогла прицѣпить къ народной революціи свою собственную, которая дала ей возможность свергнуть королевскую власть и овладѣть правительственною властью въ свою пользу. Тѣ, кто теперь не хотятъ признать, что ихъ предшественники изъ буржуазіи произвели свою революцію при поддержкѣ тѣхъ самыхъ бѣдняковъ, которыхъ они такъ презираютъ теперь, должны были бы обратиться къ историческимъ источникамъ вмѣсто того, чтобы ограничиваться перепечатками, болѣе или менѣе разукрашенными разными эпизодами изъ „Парламентской Исторіи“ Бюше и Ру или изъ „Монитера.“ Они бы увидали, что ихъ предки, которые являются такими корректными въ оффиціальной исторіи, не гнушались разсылать по деревнямъ зажигательные памфлеты„ за печатью Національнаго Собранія“ и вербовали союзниковъ для своихъ демонстрацій въ Парижѣ, въ самыхъ подозрительныхъ кабакахъ. Точно также и Тэну не слѣдовало бы обрушиваться на „якобинцевъ“ (у него всѣ революціонеры — якобинцы!), устраивавшихъ выборы при помощи дубинъ; именно такъ — дубинными выборамъ, при помощи которыхъ голоштанные революціонеры мѣшали королевскимъ приспѣшникамъ попасть во власть, и удалось сломить власть короля и помѣшать, на мѣстахъ, ея возстановленію.

Что касается волненій, предшествовавшихъ Революціи и происходившихъ въ первые годы ея, то все то немногое, что мнѣ удалось сказать на такомъ ограниченномъ пространствѣ, представляетъ собою результатъ работы начатой мною въ

1877 и 1878 году въ Британскомъ Музеѣ и въ Парижской Національной Библіотекѣ, — работы еще не законченной и въ которой я хотѣлъ изложить происхожденіе французской Революціи и другихъ европейскихъ движеній. Тѣ, кто пожелалъ бы заняться изученіемъ этого въ высшей степени важнаго, предмета, могутъ съ пользой обратиться (помимо извѣстныхъ трудовъ Родо, Доніеля, Леймари, Бонпемера, Гиппо, Бабо и др., которые описываютъ общее положеніе дѣлъ передъ революціей), къ нѣкоторымъ мемуарамъ и исторіямъ отдѣльныхъ мѣстностей: Комба — о городѣ Кастръ, Сомье — о Юрѣ, Вика и Весселя о Лангедокѣ (продолженіе этого труда принадлежитъ дю Мэжу), дю Шапелье о Бретани — Клера о Франшъ-Конте, Штробель (а впослѣдствіи Энгельгардта) — объ Эльзасѣ, а въ особенности Гейца (Heitz: *Contre-révolution* и *Sociétés politiques*), Леймари — о Лимузенѣ, Мондезира — о Лимузенѣ и Керси, Лафона — о Югѣ Франціи и т. д. Тѣмъ не менѣе, пусть они не разсчитываютъ, что при помощи однихъ этихъ матеріаловъ имъ удастся возстановить полную исторію бунтовъ предшествовавшихъ Революціи. Для этого есть одинъ только путь: это — изслѣдованіе архивовъ, въ которыхъ, несмотря на уничтоженіе феодальныхъ документовъ по распоряженію Конвента, несомнѣнно найдутся очень интересныя данныя. Я укажу, между прочимъ, на рядъ документовъ, спеціально относящихся къ этимъ возстаніямъ, которые находятся во Французскихъ Національныхъ Архивахъ и съ которыми мы познакомились благодаря профессору Карѣеву и его труду о французскомъ крестьянствѣ передъ Революціей. Вѣроятно, эти же, а также и другіе документы находящіеся въ Архивахъ, послужили данными и для Тэна, который говоритъ, что до взятія Бастиліи во Франціи произошло не менѣе трехсотъ крестьянскихъ возстаній, а также упоминаетъ — къ сожалѣнію только въ одной строчкѣ — о тайныхъ обществахъ, существовавшихъ среди крестьянъ до Революціи и вначалѣ ея.

Что касается пріемовъ агитаціи, употреблявшихся парижской буржуазіей вначалѣ Революціи — пріемовъ, отъ которыхъ она съ такимъ негодованіемъ отказывается теперь — то я руководился, главнымъ образомъ прекрасной книгой Феликса Рокэна: „Революціонный духъ до Революціи“, которую я настоятельно совѣтую прочесть всѣмъ тѣмъ, кто ищетъ фактовъ, а не предвзятыхъ мнѣній.

Библіотека ООН
Академіи Наукъ СССР